

А.М. Мезенко

Реализация гендерных отношений в годонимии¹

В последние два десятилетия повышенный интерес вызывают исследования, направленные на выявление информации об окружающем мире, заключенной в семантике лексических единиц. В этом отношении изучение имен собственных внутригородских объектов оказывается в русле современных лингвистических направлений [1–3], исследующих кванты знания, становящиеся частью семантики конкретных урбанонимов.

Проведенный нами анализ наименований улиц, образованных от женских и мужских антропонимов, свидетельствует о наличии как общих, так и индивидуальных признаков номинации урбанонимных единиц указанных групп.

Следует отметить, что первые антропонимные названия линейных объектов на территории Беларуси начали появляться в середине XVII в., основная же их масса – в советский период, характеризовавшийся двумя всплесками – после Октябрьской революции и после Великой Отечественной войны, что находит объяснение в желании закрепить и сохранить в мемориальных названиях память о людях, сыгравших решающую роль в истории государства, в развитии культуры и науки. Важно подчеркнуть и то, что первые наименования улиц в белорусских поселениях, образованные от фамилий женщин, зарегистрированы в 20-х гг. прошлого века [4].

Для того чтобы представить годонимию различных синхронных срезов, нужны сплошные обследования за длительный промежуток времени в пределах одной территории. Для данных целей нами избрана Витебщина. Этот край удобен в качестве «лабораторного» исследования не только в плане типичности по историческому и культурному развитию, населению, географическому положению, но и в плане широкой представленности в различных историко-юридических материалах, люстрациях, ревизиях и т.п., в которых нашли широкую фиксацию названия линейных и планарных объектов. В частности, в начале XXI в. здесь зафиксировано около 360 наименований улиц, образованных от мужских антропонимов, и около 30 наименований, образованных от женских антропонимных формул, т.е. в 12 раз меньше, чем первых. Простое сопоставление приведенных цифр свидетельствует об оппозиции «мужских» и «женских» наименований.

Социальные приоритеты сказались на судьбе урбанонимных единиц, которые уже на начальной стадии строились на предпочтении названий, связанных с мужским полом: в течение двух с половиной столетий среди антропонимных годонимов отсутствовали названия, связанные с женским полом. Даже в инвентарях (например, «Инвентаре целого города Его Королевской Милости Витебска при придании права Магдебургского списанного в году

¹ Исследование осуществляется при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований.

1641 7 дня», хранящегося в Вильнюсском государственном историческом архиве) формы имен женщин встречаются очень редко, главным образом у вдов, которые, по канонам середины XVII в., именовались в первую очередь антропонимной формулой мужа.

Гендерные различия, заложенные в природе человека, до настоящего времени поддерживаются своего рода дискриминационными установками.

Еще одним проявлением гендерных различий в годонимии можно считать диапазон рубрик в аспекте фоновых знаний антропонимов, легших в основу «мужских» и «женских» наименований улиц. В мужской части годонимикона их насчитывается 21, а в женской – только 9 (табл. 1).

Таблица 1

Фоновые знания мужских и женских антропонимов, легших в основу названий улиц

№ п/п	Социальная характеристика личности – носителя антропонима	Мужчины		Женщины	
		Количество	Процент	Количество	Процент
1.	Участники освобод. Беларуси	74	20,8	2	6,9
2.	Поэты и писатели	49	12,8	2	6,9
3.	Участники партизан. движ. и подполья	44	12,4	16	55,1
4.	Участники Вел. Отеч. войны	33	9,3	–	–
5.	Государств. и парт. деятели	26	7,3	1	3,5
6.	Ученые	17	4,8	–	–
7.	Участники устан. советск. власти	16	4,6	–	–
8.	Заслуж. работники мирного времени	15	4,1	3	10,2
9.	Герои гражд. войны	14	3,9	–	–
10.	Военные деятели	13	3,8	–	–
11.	Воины-интернационалисты	12	3,5	–	–
12.	Художники, архитекторы	10	2,9	–	–
13.	Деятели революц. движения	7	1,9	–	–
14.	Летчики, космонавты	7	1,9	2	6,9
15.	Деятели междунар. революц. движения	7	1,9	1	3,5
16.	Композиторы, актеры	5	1,6	–	–
17.	Участники освобод. движения	3	0,9	–	–
18.	Владельцы земельн. участков	2	0,7	–	–
19.	Святые, просветители	1	0,3	1	3,5
20.	Дипломаты	1	0,3	–	–
21.	Персонажи худож. произведений	1	0,3	1	3,5

При этом необходимо подчеркнуть, что годонимия не только проявляет, но и нивелирует гендерные различия. Так, все девять признаков номинации, легших в основу годонимов, мотивированных фамилиями женщин, являются

общими с признаками, положенными в основу названий улиц, мотивированных мужскими фамилиями.

Однако дальнейший анализ приоритетности социальных характеристик личностей – носителей фамилий вновь подводит к проявлению гендерных различий. Заключается оно в том, что, если в женской части годонимикона безраздельно господствуют названия, связанные с фамилиями женщин – участниц партизанского движения и подполья в годы Великой Отечественной войны (на их долю приходится более половины номинаций), то в мужском годонимиконе указанная разновидность названий линейных объектов занимает лишь третье место (ул. *Булойчика* – г. Браслав, ул. *Сипко* – г.п. Шумилино, ул. *Шмырева* – г. Витебск, г. Сураж и др.), пропустив вперед наименования в честь участников освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны (ул. *Вознесенского* – г.п. Ветрино, ул. *Голубкова* – г.п. Лынтупы, ул. *А. Матросова* – г. Барань, г. Браслав, г. Орша и др.) и наименования в честь поэтов и писателей (ул. *Алеся Адамовича* – г. Глубокое, ул. *Я. Журбы* – г. Полоцк, ул. *Некрасова* – г. Браслав, г. Орша, г. Поставы, г. Полоцк, г. Толочин, г.п. Богушевск, г.п. Бешенковичи, г.п. Воропаево, г.п. Лиозно, г.п. Россоны, г.п. Шарковщина и др.).

Показательно, что в женской подсистеме мемориального годонимикона четко выделяется только ядро. Со значительным отрывом от него и плавным убыванием следуют названия в честь заслуженных женщин мирного времени, участниц освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны, поэтесс и писательниц, летчиц и космонавток, святых, деятельниц международного рабочего движения и персонажей художественных произведений.

Вероятно, к числу гендерных проявлений следует отнести и отсутствие в женской подсистеме мемориального годонимикона сугубо женских социальных параметров (большинство членов топонимических комиссий обычно составляют мужчины). Так, например, никогда не было в истории годонимии не только Витебщины, но и других территорий названий улиц, данных в честь матери-героини или, скажем, лучшей воспитательницы детского сада. Даже профессиональные названия в честь учителей, несмотря на то, что 90% последних составляют женщины, присваиваются в честь мужчин.

Отметим, что слагаемыми мемориального отантропонимного годонимикона в целом выступают шесть компонентов культуры: белорусский, русский, советский, западноевропейский, украинский и еврейский, – которые в разном объеме представлены в женской и мужской подсистемах названий внутригородских и внутрисельских объектов. Ввиду значительной сложности, возникающей при разграничении компонентов русской и советской культур, появилась необходимость поиска конкретного критерия для такого разграничения. Им стала принадлежность лица, фамилия которого послужила основой при образовании годонима, к числу соратников В.И. Ленина в первые годы установления советской власти и к различным национальностям, кроме русской, в процессе защиты СССР во время Великой Отечественной войны.

Более зримо количественное соотношение названий улиц различных компонентов культуры, образованных от мужских и женских антропонимов, представлено в табл. 2.

Анализ данных таблицы свидетельствует, что в реестре названий улиц, образованных от фамилий женщин, преобладает белорусский текст культуры, на долю которого приходится 58,6% названий, на русский – 27,6%, на советский – 10,3%, на западноевропейский – 3,5% наименований. Белорусский текст культуры представлен названиями улиц, образованными от имен участниц партизанского движения в годы Великой Отечественной войны

(ул. Давыдовой – г.п. Оболь, ул. Надежды Костюченко – г.п. Ушачи, ул. и пер. Маргевич – г. Лепель, ул. Мариненко, ул. Мироновой – г. Полоцк, ул. Софьи Панковой – г. Витебск), участниц коммунистического и комсомольского подполья в годы Великой Отечественной войны (ул. Азолиной – г.п. Оболь, ул. Зеньковой – г. Витебск, г.п. Оболь, ул. Костецкой – г. Полоцк, ул. Суравневой – г.п. Оболь), участниц освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны (ул. Тусноловой-Марченко – г. Полоцк), героинь мирного времени (ул. Горещкой – г.п. Россоны, ул. Козловой – дер. Стаи Лепельского района, ул. Анны Мисуна – г.п. Ветрино), белорусской поэтессы (ул. Е. Лось – г. Витебск, г.п. Ушачи), просветительницы и святой (ул. Евфросиньи Полоцкой – г. Полоцк).

Таблица 2

Компоненты культуры отантропонимной годонимии Витебщины

№ п/п	Компоненты культуры	Мужской годонимикон		Женский годонимикон	
		Кол-во	Процент	Кол-во	Процент
1.	Белорусский	154	43,1	17	58,6
2.	Русский	132	36,9	8	27,6
3.	Советский	54	15,1	3	10,3
4.	Западноевропейский	13	3,7	1	3,5
5.	Украинский	2	0,6	–	–
6.	Еврейский	2	0,6	–	–

Структура функционального поля русской культуры включает наименования улиц, восходящие к именам участниц коммунистического подполья в годы Великой Отечественной войны (ул. Виноградовой – г. Витебск), участниц партизанского движения (ул. З. Космодемьянской – г. Барань, г. Браслав, г. Миоры, г. Орша, г. Полоцк; ул. Зинаиды Портновой – г. Полоцк, г.п. Оболь, г.п. Шумилино; ул. Лизы Чайкиной – г. Полоцк), имени космонавтки (ул. Терешковой – г. Витебск), участницы освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков (ул. Никандровой – г. Дубровно). В поле русской культуры входят также названия улиц, образованные от имени русской поэтессы (ул. М. Цветаевой – г. Миоры) и главной героини романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (Ларинская ул. – г. Новополоцк).

Поле советской культуры представляют три названия: в честь известной летчицы (ул. П. Осипенко – г. Витебск, г. Орша, г. Полоцк, г.п. Бешенковичи), в честь участницы комсомольского подполья (ул. Шевцовой – г. Полоцк), в честь партийного и государственного деятеля, супруги В.И. Ленина (ул. Крупской – г. Витебск, г. Глубокое, г. Дубровно, г. Миоры, г. Полоцк, г. Поставаы, г.п. Бешенковичи).

Единично название (ул. Р. Люксембург – г. Витебск), относящееся к полю западноевропейской культуры. Не представлены в женской части годонимикона наименования украинского и еврейского компонентов культуры.

По-иному выглядит соотношение единиц названных компонентов в мужской подсистеме мемориального годонимикона, представленной большим количеством культурных компонентов. Если в женской подсистеме годонимикона белорусский компонент на 31% превышает русский, то в мужской подсистеме эта разница сокращена до 6,2%. Лишь на 4,8% советский компонент

мужского годонимикона превосходит одноименный женского. Почти не отличается в процентном отношении представленность названий улиц женской и мужской подсистем, относящихся к западноевропейскому компоненту: 3,5% в первой и 3,7% во второй (к числу последней условно отнесено название улицы, данное в честь американских рабочих-революционеров Сакко и Ванцетти, по происхождению являющихся итальянцами). Как украинский, так и еврейский тексты культуры нашли отражение только в двух названиях. Это ул. *Б. Хмельницкого*, получившая название в честь украинского государственного и военного деятеля, полководца, гетмана Украины (1648 г.); ул. *Шевченко*, названная в честь украинского поэта, художника, основоположника новой украинской литературы и национального литературного языка; ул. *Переца*, появившаяся в Витебске 30 октября 1922 г. в результате переименования бывшей *Лучесской улицы* (ныне *проспект Черняховского*) и названная в честь еврейского писателя Ицхока Лейбуша Переца (1851–1915), жившего в Польше; пер. *Хайкина*, получивший имя владельца земельного участка в результате временного переименования в 1935 г. бывшего *Бибкина переулка*, который в настоящее время носит имя белорусского поэта, драматурга, публициста, общественного деятеля, одного из основоположников белорусской литературы и белорусского литературного языка Янки Купалы.

Таким образом, образованные от женских антропонимов названия улиц занимают незначительное место в годонимии и составляют лишь 7,5% от общего числа мемориальных названий. Обусловленное активным участием женщин в общественной, культурной и частично государственной сферах жизни, количество их, хоть и очень медленно, все же увеличивается.

Принимая идею одаренности полом как высший замысел, мы не столько акцентировали внимание на фактах дискриминации женщин в годонимии, сколько стремились способствовать осознанию ее, поскольку осознание представляет собой сложную когнитивную деятельность субъекта, интерпретирующего факты и явления окружающего мира в соответствии со сложившимися стереотипами. Исследование гендерной ономастической проблематики, пока еще малопонятной и аморфной, позволяет подтвердить тезис, что имя собственное в целом и внутригородского объекта в частности является сложным лингвистическим знаком, чье значение определяется множеством факторов как исторического, культурного, так и гендерного порядка.

Избранная лексика показывает, что семантика годонимов, как и семантика апеллятивов, является довольно сложной. Обращение к данной проблеме мотивируется как почти полной ее неизученностью, так и некоторыми особенностями годонимной лексики, в которой денотативное значение составляющих единиц сведено к минимуму, в то время как коннотативные и гендерные аспекты в том числе иногда являются решающими и в присвоении имени тому или иному линейному объекту, и в оценке его культурно-исторического значения.

Подчеркнем также, что, наряду с традицией употребления в качестве основы при номинации улиц женских антропонимов, наблюдается стремление к использованию тех же признаков номинации, что и при назывании линейных объектов мужскими именами. Бесполость в одежде, манере поведения, именах, свойственная современному обществу, проявляется и в «годонимическом унисексе» – употреблении в мужской и женской подсистемах мемориального годонимикона одних и тех же социальных характеристик личности – носителя антропонима.

Перспективно изучение когнитивно-языковых проявлений гендерного фактора в ономастической картине мира. Разработки требуют вопросы гендерной составляющей ономастической картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Дмитрієва, М.М.** До проблеми мовної картини світу та гендерних стереотипів / М.М. Дмитрієва // Семантика мови і тексту. Збірник статей VI Міжнародної конференції. – Івано-Франківськ, 2000.
2. **Кирилина, А.В.** Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. – М., 1999.
3. **Трофимович, Т.Г.** Социальные приоритеты в зеркале языка / Т.Г. Трофимович // Язык и социум. III Международная научная конференция. – Мн., 2000.
4. **Мезенка, Г.М.** Жаночыя назвы гарадскіх вуліц Беларусі / Г.М. Мезенка // Беларуская мова: Міжведамасны зборнік. Вып. 16. – Мн.: Універсітэцкае, 1988. – С. 36–41.

S U M M A R Y

The paper deals with the different ways of the gender relationship realization in godonymy. The author draws a conclusion, that asexuality of dressing, manners of behaviour and names, which is a peculiarity of the modern society, is reflected in the «godonymous unisex» – it means, the same social characteristics of the person – proprietor of the anthroponym – are used in the male and female subsystems of the memorial godonymicon.

Поступила в редакцию 09.04.2007

УДК 801.7

А.А. Романовская

Дискурс – произведение – текст

Дискурс в лингвистике, в лингвистике текста в частности, понимается как механизм порождения высказываний и производства текстов. Это сложное коммуникативное явление, которое объединяет текст и ряд внелингвистических факторов (установки, цели адресатов, их мнения, самооценки, оценки другого) [1]. Исходным для лингвистической интерпретации дискурса стала дихотомия *язык – речь* Ф. де Соссюра, согласно которой язык – часть речевой деятельности, система знаков, выражающих понятия, а речь – манифестация языка [2]. Это противопоставление Соссюром языка и речи, трактуемое как противопоставление кода и сообщения, парадигматики и синтагматики, нормы и стиля, было интерпретировано Э. Косериу: «Перефразируя Соссюра, но в прямо противоположном смысле, – чтобы понять механизм языкового изменения, надо сразу же встать на почву речи и принять речь за норму всех прочих проявлений речевой деятельности» [3]. Язык, по Косериу, представляет собой открытую систему возможностей. Каждое состояние языка, во-первых, является реконструкцией другого предшествующего состояния. Во-вторых, то, что называется изменением в языке, является таковым лишь по отношению к языку предшествующей эпохи, а с точки зрения современного языка это кристаллизация новой традиции, то есть как раз неизменение [3, с. 17]. Язык противопоставляется речи как совокупности реализованных форм и норм. Язык, на котором можно говорить, – это система функциональных противопоставлений и нормальных реализаций, точнее, это система и норма, как от-